

Ярко, трогательно и эмоционально... Нет сомнений, что девушки по всему Бруклину покупают эту книгу, прячут ее под матрасом, втайне читают по ночам и — возможно, впервые в жизни — обдумывают собственный побег.

HuffingtonPost.com

Фельдман позволяет нам проникнуть в мир замкнутый и репрессивный... Ее мемуары свежи, терпки и чрезвычайно увлекательны.

Library Journal

«Неортодоксальная» хороша до боли... В отличие от многих других авторов, поведавших о своем отказе от ортодоксального иудаизма, сердце Фельдман не ожесточено ненавистью, а дух ее ранен, но цел. Она чувствительная и талантливая писательница.

JewishJournal.com

Оторваться от «Неортодоксальной» невозможно. Она рассказывает уникальную историю взросления, которая вызывает личный отклик у каждого, кто хоть раз в жизни чувствовал себя аутсайдером.

School Library Journal

Эволюция Деборы Фельдман, равно как и ее взгляд внутрь закрытого сообщества, — залог увлекательного чтения... Ее талант рассказчика и острый глаз на детали дают читателям ощущение присутствия и сопричастности тому, каково это — быть другой, когда все остальные одинаковы.

Booklist

Потрясающая книга... Голос Фельдман находит отклик повсюду.

The Forward

Беспрецедентный взгляд на хасидское сообщество — то, что доступно мало кому из посторонних... «Неортодоксальная» напоминает нам, что в Соединенных Штатах существуют религиозные общины, которые ограничивают молодых женщин браком и материнством. Ожидается, что эти женщины будут послушны своей общине и религии любой ценой, без вопросов и жалоб.

Minneapolis Star Tribune

За лаконичным стилем Фельдман скрываются пронзительные откровения.

New York Times

Захватывающая... и необыкновенная история.

Marie Claire

В списке «10 книг, которые нужно прочесть прямо сейчас».

O magazine

UNORTHODOX

THE SCANDALOUS REJECTION OF MY
HASIDIC ROOTS

DEBORAH FELDMAN

НЕОРТОДОКСАЛЬНАЯ

СКАНДАЛЬНОЕ ОТРЕЧЕНИЕ
ОТ МОИХ ХАСИДСКИХ КОРНЕЙ

ДЕБОРА ФЕЛЬДМАН

УДК 82-94+296.67
ББК 84(7Coe)-4:86.33
Ф39

Deborah Feldman
UNORTHODOX
The Scandalous Rejection of My Hasidic Roots

Перевод с английского Дины Ключаревой

Фельдман Д.

Ф39 Неортодоксальная. Скандальное отречение от моих хасидских корней / Дебора Фельдман ; пер. с англ. Д. Ключаревой. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. — 352 с. ; ил.

ISBN 978-5-389-18519-7

Дебора Фельдман выросла в ультраортодоксальной общине сатмарских хасидов в Бруклине, Нью-Йорк. Это самое строгое и консервативное направление современного иудаизма: в общине запрещено читать нерелигиозные книги, говорить на английском языке, носить современную одежду, пользоваться интернетом, получать светское образование, смотреть кино, посещать театр и библиотеку. Все сферы жизни членов общины (и женщин особенно) строго регламентированы религиозными предписаниями, законы светского государства почти не имеют значения. В 17 лет Дебору выдают замуж за мужчину, с которым она была знакома всего полчаса, — неудивительно, что брак не приносит счастья. Став в 19 лет матерью, Фельдман осознает, что теперь под угрозой не только ее будущее и свобода, и решается полностью изменить свою жизнь. Она строит план побега, постепенно расширяет свой мир — читает светскую литературу на английском, учится водить машину, поступает в университет — и в конце концов покидает общину. Сейчас Дебора Фельдман — писательница, вместе со своим сыном она живет в Берлине. Ее автобиография стала мировым бестселлером и легла в основу нашумевшего телесериала Netflix «Неортодоксальная» (Unorthodox).

УДК 82-94+296.67
ББК 84(7Coe)-4:86.33

ISBN 978-5-389-18519-7

© Deborah Feldman, 2012, 2020
© Ключарева Д., перевод на русский язык, 2020
© Netflix, 2020. Used with permission.
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020
КоЛибри®

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	7
Пролог	9
1. Я ищу свою тайную силу	15
2. Эпоха моей невинности	58
3. Я начинаю кое-что понимать	89
4. Простота моих связей	114
5. У меня появляется цель	162
6. Я опускаю руки	187
7. Мои непомерные амбиции	220
8. Справедливость торжествует	255
9. Я готова к бою	290
Эпилог	331
Послесловие	335
<i>Благодарности</i>	341
<i>Интервью с Деборой Фельдман</i>	344
<i>Послесловие научного редактора</i>	350

Все имена и узнаваемые черты реальных фигурантов в этой книге были изменены. Все описанные события случились на самом деле, однако их пересказ был сокращен и уплотнен, а очередность некоторых изменена — ради безопасности упомянутых здесь людей и складного повествования. Все диалоги реальны и переданы настолько точно, насколько я смогла вспомнить.

ОТ АВТОРА

Сату-Маре (или Сатмар на идише) — город на границе Венгрии и Румынии. Как же случилось так, что хасидская община носит название в честь трансильванского городка? Рудольф Каствнер, еврейский адвокат и журналист из Венгрии, во время Второй мировой войны взял на себя миссию спасти как можно больше евреев от верной смерти, и среди спасенных им оказался раввин из того городка. Этот раввин позже иммигрировал в Америку, собрал вокруг себя большую группу последователей из уцелевших евреев, основал хасидское течение и назвал его в честь своего родного города. Другие спасшиеся раввины последовали его примеру и тоже назвали собственные течения в честь городов, в которых родились, дабы сохранить память о штетлах¹ и общинах, стертых с лица земли во время холокоста.

В Америке хасиды быстро возродили оказавшиеся на грани исчезновения традиции предков — оделись в тра-

---

¹ Штетл — городок (*идиш*), еврейское местечко. Населенный пункт в Восточной Европе с большой долей еврейского населения. — *Здесь и далее прим. науч. ред.*

диционные костюмы¹ и стали говорить исключительно на идише². Многие демонстративно выступали против создания Государства Израиль, считая, что геноцид стал наказанием евреям за ассимиляцию с другими народами и сионизм³. Но в первую очередь хасиды сосредоточились на размножении, нацелившись заменить погибших евреев и восстановить численность в своих рядах. Хасидские общины и сейчас продолжают стремительно разрастаться — все для того, чтобы одержать окончательный реванш над Гитлером.

---

¹ Традиционный мужской костюм включает в себя черный лапсердак (долгополый сюртук), черную шляпу, у раввинов и уважаемых членов общины — меховая шапка *штраймл*. Одежда у хасидов разных направлений немного отличается, некоторые носят белые чулки, другие — черные брюки, различаются формы шляп. Одежда женщин должна быть закрытой: длинные юбки и блузки с длинным рукавом. И для мужчин, и для женщин внешний вид диктуется принципом *цинута*, скромности. Строгость этого принципа различается в зависимости от общины.

² Идиш — язык восточноевропейских (ашкеназских) евреев, принадлежит к германской группе языков. Используется еврейский алфавит, письмо справа налево. Основной объем лексики германского происхождения, есть большой процент славянских слов, а также слов из иврита и арамейского.

³ Сионизм — общественно-политическое движение, приверженцы которого убеждены, что евреи должны жить в Израиле.

ПРОЛОГ

Мне вот-вот исполнится двадцать четыре. Я беседую с матерью. Мы в вегетарианском ресторане на Манхэттене, который подает «органику» и продукты «только что с фермы», и вопреки моему недавнему увлечению свининой и морепродуктами я предвкушаю бесхитростную трапезу, которую обещает меню. Официант, который нас обслуживает, очевидно, гой¹ — у него растрепанные светлые волосы и большие голубые глаза. Он обращается с нами как с королевскими особами, потому что мы в Верхнем Ист-Сайде² и готовы отвалить сотню баксов за ужин, состоящий преимущественно из овощей. Думаю, есть своя ирония в том, что он не подозревает, что обе мы из другого мира, что он по умолчанию считает наше присутствие здесь нормой. Не думала я, что этот день настанет.

Перед встречей я предупредила маму, что у меня есть к ней вопросы. Несмотря на то что в последний год мы

---

¹ Гой — нееврей.

² Верхний Ист-Сайд — самый роскошный район Манхэттена с престижной недвижимостью, дорогими магазинами и ресторанами, расположенный с восточной стороны Центрального парка.

с ней общались больше, чем во все мои подростковые годы, я чаще всего избегала разговоров о прошлом. Наверное, я не хотела ничего знать. Возможно, мне не хотелось обнаружить, что рассказы о матери, которыми меня потчевали всю жизнь, — это ложь. Или наоборот — принять факт, что они правдивы. Но публикация истории моей жизни все же требует абсолютной честности — и не только от меня.

Ровно год назад я навсегда покинула хасидскую общину. Мне двадцать четыре, и у меня вся жизнь впереди. Будущее моего сына переполнено возможностями. У меня ощущение, что я успела точно к старту забега — как раз перед выстрелом. Глядя на мать, я понимаю, что какие-то сходства у нас, может, и есть, но различий куда больше. Она была старше, когда ушла из общины, и она не забрала меня с собой. Ее путь был скорее борьбой за уверенность в завтрашнем дне, чем поисками счастья. Наши мечты витают над нами словно облака: мои кажутся большими и пышными в сравнении с ее — тонкой рябью перистой дымки в зимнем небе.

Сколько себя помню, мне всегда хотелось брать от жизни все — все, что она может мне дать. Эта жажда отличает меня от тех, кто готов мириться и с малым. Мне не понять, почему желания людей столь ничтожны, а амбиции так малы и скромны, когда возможности, которые предлагает им мир, безграничны. Я недостаточно хорошо знаю свою мать, чтобы судить о ее мечтах, — знаю лишь, что для нее они велики и значимы, и я стараюсь относиться к этому с уважением. Само собой, при всех наших различиях кое в чем мы с ней все же едины — в решении изменить жизнь к лучшему.

Мама выросла в общине немецких евреев в Англии. Ее семья была религиозной, но к хасидам они не принадлежали. Дитя разведенных родителей, она вспоминает, что в юности была «проблемной», «нескладной» и «несчастной».

Ее шансы выйти замуж в принципе — не говоря уже о том, чтобы выйти замуж удачно, — стремились к нулю, говорит она.

Официант ставит перед ней тарелку с жареной полентой и рагу из черной фасоли, и она втыкает вилку в еду.

Перспектива выйти замуж за моего отца, которая внезапно перед ней нарисовалась, была похожа на сказку, сообщает она, прожевав кусочек. Его родственники были богаты, и им не терпелось поскорее его женить. Его помолвки дожидались и младшие в роду за ним — им тоже пора было устраивать личную жизнь. Ему было двадцать четыре года — слишком много для приличного еврейского парня для того, чтобы ходить в холостяках. Чем старше становились женихи, тем сложнее было найти им невесту. Рэйчел, моя мать, была для отца последним шансом.

Все мамины близкие были в восторге, вспоминает она. Она поедет в Америку! Его родственники вызвались все оплатить. Там ее ждала красивая, совершенно новая и полностью обставленная квартира. Украшения и изящные наряды. И золовки, которые мечтали с ней подружиться.

— То есть они хорошо к тебе относились? — спрашиваю я, имея в виду своих теток и дядей, которые, как мне помнится, в большинстве своем презирали меня, причин чему я так до конца и не поняла.

— Сперва да, — говорит она. — Понимаешь, я была новой игрушкой из Англии. Худой симпатичной девочкой с забавным акцентом.

Она фактически их спасла — тех младших его родственников. Избавила их от участи состариться в одиночестве. Поначалу они радовались, что брата наконец-то пристроили.

— Я превратила его в *менша*¹, — говорит мне мама. — Я заботилась о том, чтобы у него был опрятный вид. Он не

---

¹ Человек (*идиш*), здесь: приличный, уважаемый мужчина.

умел следить за собой, и этим занималась я. Благодаря мне он выглядел прилично и больше не вызывал у родственников стыд.

Стыд — только это я и ощущала по отношению к отцу. Помню, что вид у него всегда был запущенный и грязный, и вел он себя слишком непосредственно и неприлично.

— А ты сейчас что об отце думаешь? — спрашиваю я. — Как считаешь, что с ним не так?

— Ой, не знаю. Думаю, он не в себе. Психически больной.

— Серьезно? И все? Тебе не кажется, что он просто умственно отсталый?

— Ну, он как-то раз был у психиатра уже после того, как мы поженились, и психиатр сказал мне, что почти не сомневается в том, что у твоего отца какое-то расстройство личности, но неясно, какое именно, потому что тот отказался от дальнейших исследований и на лечение больше не приходил.

— Ну, даже не знаю, — задумчиво говорю я. — Тетя Хая однажды рассказала мне, что в детстве ему диагностировали умственную отсталость. Она сказала, что IQ у него был 66 баллов. Такое не особо лечится.

— Да они ведь и не пытались его лечить, — настаивает мать. — Могли бы хоть попробовать.

Я киваю.

— В общем, вначале они были добры к тебе. А потом-то что случилось? — Я вспоминаю, как тетки шептались о маме и говорили о ней всякие гадости.

— Ну, после того как суматоха улеглась, они стали меня игнорировать. Устраивали всякое, а меня не приглашали. Они смотрели на меня свысока, потому что я была из бедной семьи, а у них были богатые мужья и солидное наследство и жили они совсем другой жизнью. Мы же почти не зарабатывали — ни твой отец, ни я, так что нас обеспечивал твой

дедушка. Но он был прижимистый — отсчитывал нам на продукты жалкие гроши. Очень умный он был, твой *зейде*¹, но людей совсем не понимал. Он был оторван от жизни.

Меня до сих пор задевает, когда кто-то плохо отзывается о моих родных, — как будто я обязана их оправдывать.

— С другой стороны, я знала, что твоя *баби*² меня ценит. Никто к ней не прислушивался, но она уж точно была куда более разумной и непредвзятой, чем считали окружающие.

— О, тут я согласна! — Я радуюсь, что наши мнения сходятся, что есть человек, которого мы обе воспринимали одинаково. — Она и со мной была такой же. Она относилась ко мне с уважением, даже когда все остальные думали, что от меня одни проблемы.

— Да, но... веса в семье у ее голоса не было.

— Увы.

В общем, мать там ничто не держало. Ни муж, ни семья, ни дом. В колледже у нее была бы хоть какая-то жизнь, цель, вектор развития. Когда тебя ничто не держит, ты уходишь. Уходишь туда, где можешь принести какую-то пользу, туда, где тебя примут.

К нашему столу приближается официант, в руках у него шоколадный брауни со свечкой. «С днем рождения тебя...» — поет он негромко и на секунду встречается со мной глазами. Я опускаю взгляд, ощущая, как вспыхнули щеки.

— Задуй свечу, — торопит мать, вынимая фотоаппарат. Мне смешно. Готова поспорить, официант думает, что я самая обычная девушка, которая отмечает день рождения с мамой, и что это наша ежегодная традиция. Придет ли кому-то в голову, что мать пропустила почти все мои дни рождения? Как ей удастся так быстро снова влиться в роль матери? Неужели для нее это естественно? Для меня точно нет.

---

¹ Дедущка (*идиш*).

² Производное от *бобе*, бабушка (*идиш*).

Когда мы расправляемся с брауни, она промокает рот салфеткой и на миг замолкает. Она говорит, что хотела забрать меня с собой, но не смогла. У нее не было денег. Семья отца угрожала превратить ее жизнь в ад, если она попытается меня увезти. Хая, старшая из теток, вела себя хуже всех, говорит она. «Когда я навещала тебя, она просто вытирала об меня ноги, словно я тебе не мать, словно не я родила тебя. Кто дал ей такое право, ведь она даже не одной с нами крови?» Хая вышла замуж за старшего из братьев и сразу же начала всеми помыкать, вспоминает мать. Она главенствовала во всех делах, везде распоряжалась, громко выражала обо всем свое мнение.

Когда мама ушла от отца, Хая начала распоряжаться и моей жизнью. Это она решила, что я буду жить у бабушки с дедушкой, что пойду в сатмарскую школу, что выйду замуж за хорошего сатмарского парня из религиозной семьи. В итоге именно Хая научила меня управлять своей жизнью, быть несгибаемой, как она, и не давать себя в обиду.

Как я узнала позже, именно Хая убедила Зейде обратиться к свахе, когда мне едва исполнилось семнадцать лет. По сути, она сама и выступила моей свахой, это она решила, за кого мне выходить. Я могла бы вменить ей в вину все, что мне пришлось в итоге пережить, но мне хватает мудрости этого не делать. Я знаю, как устроен наш мир и как людей с головой заносит мощной лавиной наших вековых традиций.

*Август 2010
Нью-Йорк*

Я ИЩУ СВОЮ ТАЙНУЮ СИЛУ

Матильде ужасно хотелось, чтобы у нее были хорошие, любящие, понимающие, честные и умные родители. Но ей ничего другого не оставалось, как смириться с тем, что они такими не были. <...> Поскольку она была очень маленькой и ростом, и возрастом, то единственным преимуществом, которым Матильда обладала по сравнению с другими членами семьи, было ее умственное превосходство¹.

Рольд Даль. Матильда

Отец держит меня за руку и шарит по карманам в поисках ключей от склада. Здесь, в индустриальной стороне Вильямсбурга², улицы непривычно пустые и тихие. В ночном небе над нами слабо мерцают звезды, недалеко по автостраде, словно призраки, проносятся редкие машины. Я рассматриваю свои лакированные туфельки, которыми нетерпеливо топаю по тротуару, и прикусываю губу, чтобы тормознуть импульс заныть. Я рада, что я тут. Не каждую неделю *Tatu*³ берет меня с собой.

Одна из подработок моего отца — включать печи в кошерной⁴ пекарне Бейгеля, когда заканчивается шабат⁵. Любой еврейский бизнес должен приостанавливать работу во время

¹ Перевод И. Кастальской.

² Вильямсбург — район на севере Бруклина, Нью-Йорк, населенный преимущественно хасидами.

³ Производное от *tate*, папа (*идиш*).

⁴ Кошерный — соответствующий требованиям кашрута, системы питания, основанной на предписаниях Торы.

⁵ Шабат — суббота, священный день для иудеев. Шабат наступает с заходом солнца в пятницу и заканчивается с заходом солнца в субботу. По религиозному закону, в субботу запрещена любая работа, нельзя пользоваться электричеством, водить машину, готовить, убираться и пр.

шабата, и закон требует, чтобы заново запускал его тоже еврей. Для работы с такими простыми требованиями отец вполне годится. Работники-гои уже трудятся, когда он приходит, — замешивают тесто, лепят из него буханки и булки, и, когда отец шагает по длинному складу, на ходу щелкая выключателями, вокруг нас нарастает гудение и жужжание, пока мы движемся сквозь просторные гулкие помещения. Сегодня редкий случай: он взял меня с собой, и мне ужасно нравится быть среди всей этой суеты и знать, что в центре ее — мой папа и что все эти люди обязаны дожидаться его прихода, прежде чем продолжить работу в обычном режиме. Я ощущаю себя важной, потому что знаю, что он тоже важный человек. Сотрудники приветственно кивают ему с улыбкой, несмотря на то что он опоздал, и глядят меня по голове ладонями в припыленных мукой перчатках. К тому моменту, когда отец добирается до последнего цеха, вся фабрика пульсирует от гула мешалок и конвейерных лент. Цементный пол слегка вибрирует у меня под ногами. Пока отец разговаривает с работниками, пожевывая *эйер кихелех*¹, я смотрю, как противни заезжают в печи и выкатываются с другой стороны, заполненные рядами глянцево-золотистых булочек.

Баби любит *эйер кихелех*. Мы всегда приносим его Баби после наших походов в пекарню. Полки в вестибюле склада набиты запечатанной в коробки выпечкой, которая с утра пораньше отправится в магазины, и на выходе мы прихватываем с собой столько, сколько можем унести. Здесь и знаменитые кошерные капкейки с радужной посыпкой, и увесистые бабки с корицей и шоколадом, и семислойные торты, сочащиеся маргарином, и мелкое черно-белое печенье, у которого я люблю отгрызать только шоколадную

---

¹ Яичные пирожные (*идиш*). Традиционное блюдо еврейской кухни — песочное печенье в виде ромбиков или бантиков, сверху смазанное желтком и присыпанное сахаром.

часть. Все, что отец наберет с собой на выходе, позже отправится к бабушке с дедушкой и будет вывалено на обеденный стол словно добыча, и я смогу попробовать абсолютно все.

Что может сравниться с такой роскошью, с изобилием конфет и сладостей, разбросанных по парчовой скатерти, словно товары на распродаже? Сегодня ночью я быстро провалюсь в сон, ощущая сладость глазури, забившейся между зубами, и крошек, что тают у меня за щеками.

Это один из немногих приятных моментов, которые я могу разделить с отцом. Обычно у меня нет поводов им гордиться. У него на рубашках желтые пятна под мышками, несмотря на то что Баби стирает почти всю его одежду, и улыбается он как клоун — слишком широко и глупо. Когда он заходит к Баби, чтобы повидать меня, то приносит эскимо в шоколаде Klein's и смотрит, как я его ем, ожидая от меня слов благодарности. Видимо, он думает, что, обеспечивая меня сладким, исполняет свой отцовский долг. Уходит он так же внезапно, как и приходит, — убегает по каким-то своим «делам».

Я знаю, что ему дают работу из жалости. Его нанимают водителем, доставщиком — кем угодно в узких рамках того, что он может делать, не попадая впросак. Он этого не осознает; он считает, что его работа очень важна.

У отца много разных подработок, но он берет меня с собой только в пекарню (изредка) и в аэропорт (еще реже). Поездки в аэропорт интереснее, но они случаются всего пару раз в год. Знаю, радоваться визиту в аэропорт странно, поскольку в самолет мне попасть не светит, но мне ужасно нравится стоять рядом с отцом, пока он дожидается того, кого должен встретить, и наблюдать за толпами мечущихся туда-сюда людей с чемоданами, поскрипывающими им вслед, знать, что все они куда-то и зачем-то летят. До чего же удивителен мир, думается мне, в котором самолеты ненадолго садятся здесь, прежде чем волшебным образом возникнут в аэропорту где-то на другом конце планеты. Будь у меня заветное жела-

ние, я загадала бы всю жизнь провести в путешествиях из одного аэропорта в другой. Сбросить оковы постояства.

Отец привозит меня обратно домой, и я еще долго его не увижу, возможно, несколько недель — если только не столкнусь с ним на улице. Тогда я постараюсь отвернуться и притвориться, что не заметила его, чтобы он не подозвал меня и не представил тому, с кем разговаривает. Терпеть не могу эти жалостливые и любопытные взгляды, которыми люди одаривают меня, когда узнают, что я его дочь.

— Так это твоя *мейделе*¹? — снисходительно воркуют они, щиплют меня за щеки или тянут меня за подбородок скрюченными пальцами. А потом всматриваются в мое лицо, пытаюсь увидеть в нем хоть какие-то черты, роднящие меня с ним, чтобы позже с кем-нибудь посплетничать: «*Небех*², бедная крошка, ее ли вина, что она родилась? У нее же на лице написано, что она не в себе».

Баби — единственная, кто считает, что я на сто процентов в себе. Она в этом не сомневается, это видно. Она никого не осуждает. Она так и не навесила никакого ярлыка на моего отца, хотя, может быть, она просто ушла в отрицание. Когда она рассказывает истории из его детства, то описывает его как милого шалуна. Он был совсем тощим, поэтому она испробовала все способы, чтобы хоть как-то заставить его есть. Он получал все, что хотел, но не мог выйти из-за стола, пока не опустошит тарелку. Однажды он привязал куриную ножку к леске и бросил ее в окно дворовым котам на съедение, чтобы не сидеть за обедом часами, в то время как его друзья играют на улице. Когда Баби вернулась, он показал ей пустую тарелку, и она спросила:

— А где косточки? Косточки ты съесть не мог.

Так она и догадалась.

---

¹ Девочка (*идиш*).

² Бедняга, бедолага (*идиш*).

Я была готова восхититься отцовской смекалкой, но пузырь моей гордости лопнул, когда Баби рассказала, что ему не хватило мозгов продумать все наперед — вытянуть леску обратно и вернуть уже обглоданные кости на тарелку. Одиннадцатилетней мне хотелось, чтобы этот план — довольно хитроумный — был исполнен с большей сноровкой.

В подростковом возрасте его невинные проказы уже больше не казались милыми. Он по-прежнему не мог спокойно высиживать занятия в ешиве¹, поэтому Зейде отправил его в лагерь Гершома Фельдмана на севере штата Нью-Йорк. Там была ешива для проблемных детей — обычная ешива, вот только за непослушание в ней наказывали побоями. Отца от чудачеств это так и не избавило.

Наверное, ребенка проще оправдать за причуды. Но как объяснить поведение взрослого, который месяцами хранит у себя в комнате пирог — пока запах плесени не становится невыносимым? Как объяснить, что делают в его холодильнике штабеля бутылочек с жидким розовым антибиотиком для детей, который отец считает нужным употреблять каждый день, дабы излечиться от неведомой болезни, которую не способен диагностировать ни один врач?

Баби по-прежнему старается о нем заботиться. Специально для него она готовит говядину, притом что Зейде не ест говядину уже десять лет — со времен скандала из-за куска кошерной говядины, которая оказалась совсем не кошерной. Баби до сих пор готовит для всех своих сыновей — даже для женатых. Они приходят к ней на ужин, хотя у них есть свои жены, которые должны их кормить, и Баби ведет себя, будто все так и должно быть. Каждый день в десять вечера она протирает столы на кухне и шутиливо объявляет «ресторан» закрытым.

---

¹ Ешива — еврейское религиозное учебное заведение для мужчин, где изучают священные тексты и религиозный закон.

Литературно-художественное издание

Дебора Фельдман

НЕОРТОДОКСАЛЬНАЯ

Скандальное отречение
от моих хасидских корней

Редактор Д. Рыбина
Научный редактор Е. Кузнецова
Художественный редактор М. Левыкин
Технический редактор Л. Сеницына
Корректоры О. Левина, Т. Филиппова
Верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Колибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

18+

Подписано в печать 02.11.2020.
Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 10 000 экз. В-PRS-27134-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru